

Альбер Собуль

СЕКЦИОНЕРЫ и БАБУВИСТЫ, их СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Перевод Е.В.Рубинина

Французский ежегодник 1960

М.: Наука. 1961. С.210-226.

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta, 2010

Все материалы о Бабефе

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

Другие работы Альбера Собуля и материалы о нем

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb>

Я.Захер. Парижские секции 1790-95 гг.: политическая роль и организация http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_paris.htm

Карта секций Парижа

http://vive-liberta.narod.ru/zakher_paris.htm#carte1

А.Собуль. Революционные комитеты парижских секций

http://vive-liberta.narod.ru/journal/soboul_fe-58.pdf

Е.Киселева. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора

http://vive-liberta.narod.ru/journal/kisel_therm.pdf

К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора

http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-sect.pdf

Р.Монье. Сент-Антуанское предместье (1789-1815)

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/monier.pdf>

Чтобы правильно оценить значение «Заговора равных», необходимо изучить не только политические документы, но и социальный состав бабувистов. Мы имеем в виду не самих заговорщиков, не руководящую группу заговора, а тех людей, которых они полагали «вовлечь в движение», людей, по разным причинам заслуживающих того, чтобы их рассматривали как бабувистов, ибо это против них были изданы декреты об аресте весною IV года и это они оказались скомпрометированными по делу Гренельского лагеря в фрюктидоре. Такое изучение и сравнение с политическим составом парижских секций II года Республики позволило бы более точно определить место «Заговора равных» в общем развитии Французской революции.

Документальной основой для настоящего исследования послужило некоторое количество поименных списков, составленных Бабефом и его друзьями в целях пропаганды или революционной деятельности; эти списки хранятся в архиве Вандомского верховного суда, учрежденного 20 термидора IV года (7 августа 1796 г.) для суда над Трибуналом и заговорщиками, в частности в папке W 561 Национального архива: это списки подписчиков газеты «Tribun du Peuple» и списки «патриотов, способных командовать»¹. Обвинительный акт, составленный после ряда арестов, произведенных в период от Флореала до мессидора IV года, содержит список из 56 имен². Наконец, попытка в Гренельском лагере повлекла за собою арест

¹ Archives Nationales, W 561, досье 4: список лиц, способных командовать артиллерией или обслуживать ее в различных секциях; досье 2: списки лиц, способных командовать; досье 8: адреса подписчиков «Tribun du Peuple». Список этих подписчиков имеется в папке W 563, досье 42, стр. 1. Папка F⁷ 4277 содержит копию этих списков людей, способных командовать, а папка E⁷ 4278 — копию списка подписчиков. Списки лиц, способных командовать, и списки канониров напечатаны без изменений в двухтомной in-8 публикации «Copie des pièces saisies dans le local que Babœuf (sic) occupait lors de son arrestation» (A Paris, de l’Imprimerie nationale, fri-maire et nivôse an V; Bibliothèque Nationale, Lb⁴² 232), в частности во втором томе («Suite de la copie...»). В работе Виктора Адвиелля (V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d’après de nombreux documents inédits, vol. I—II. Paris, chez l'auteur, 1884) эти документы не воспроизведены.

² Archives nationales, F⁷ 4278, p. 53. См. также печатное издание: «Acte d'accusation dressé par le jury d'accusation du département de la Seine contre Gracchus Babeuf et les cinquante-neuf prévenus de la conspiration du 22 floréal...» (Paris, fluctidor an IV, in-8, 71 p. Bibliothèque Nationale Lb⁴² 2708; Tournoux, N 4637). В действительности же печатный список содержит 54 имени, а рукописный — 56 (те же, с добавлением Феликса Лепелетье и генерала Россиньоля).

132 человек, список которых был составлен администраторами центрального бюро Парижского кантона 24 фрютидора IV года (10 сентября 1796 г.³).

Ясно, что нельзя рассматривать все эти списки в одном плане, так как уже при беглом знакомстве с ними мы обнаруживаем среди бабуристов различные группы, поэтому слово «бабуисты» имеет слишком общий характер, чтобы верно отражать действительное положение вещей. Политические и социальные различия наблюдались также и среди секционеров II года Республики; это различия между активистами и массой, которой они руководили, а также различия среди самих активистов, например между гражданскими комиссарами и революционными комиссарами. Правда, как мы уже отмечали это в отношении секционеров II года Республики, сам характер этих документов не дает возможности провести точное исследование их социального состава. Указание профессии часто отсутствует. Терминология документов подчас неопределенна, подобно самим социальным границам, чаще всего одним выражением обозначают различные социальные категории — нанимателя и рабочего, точнее, мелкого хозяина и подмастерье. Мы вновь убеждаемся здесь, до какой степени всякое исследование социального состава народных масс и средних слоев того времени (обозначаемых в конце XVIII в. выражением *sans-culotterie*) неизбежно будет страдать неточностью и неопределенностью. Однако нам представляется возможным выявить на основе приблизительных цифровых данных кое-какие характерные черты, проливающие некоторый свет на «Заговор во имя равенства», на его структуру и на границы его распространения.

ПОДПИСЧИКИ «TRIBUN DU PEUPLE»

Общее число подписчиков «Tribun du Peuple» составляет 590 человек — цифра, которая может показаться незначительной, но которую надо оценивать, учитывая своеобразные условия распространения печати, существовавшие в конце XVIII столетия, особенно среди народа; нельзя механически судить о влиянии газеты только по ее тиражу. Конечно, в IV году Республики уже не было народных обществ, которые во II году и еще в III году способствовали расширению читательской аудитории патриотических газет. Но следовало бы выяснить, в частности по архивам комиссариатов полиции, были ли полностью прекращены общественные читки на крупных стройках, например на строительстве Пантеона⁴. Наконец, в IV году, как и во II году, кафе и питейные заведения играли в этом отношении немаловажную роль. Среди провинциальных подписчиков фигурируют 7 содержателей постоянных дворов или трактирщиков, около десятка их отмечено среди парижских подписчиков, в том числе Пьер Николя Кретьен, лимонадчик, содержатель кафе на улице Нёв Сен-Марк (секция Лепелетье), революционный комиссар и присяжный заседатель в Революционном трибунале во II году, представший в IV году Республики перед судом вместе с Бабефом; уже одно его имя

³ Archives Nationales, F⁷ 4278. Этот рукописный список можно сопоставить со многими печатными (см. *Tourneux*, № 4706—4709), в частности с «*Liste officielle des 132 prisonniers faits au camp Grenelle, leurs noms, prénoms, professions, le nom de leurs diverses sections et rues... les divers emplois qu'ils ont eus pendant la Révolution*» (Imp., s. d., in-8, 8 p.; Bibliothèque Nationale, Lb⁴² 1123; *Tourneux*, № 4707).

⁴ Важный фонд протоколов комиссаров полиции в архиве префектуры полиции (АА/48—А/265) не был изучен для периода Директории. Об общественных читках в народных кругах во II году Республики см. некоторые беглые указания в моей диссертации: A. Soboul. *Les sans-culottes parisiens en Jan II. Paris*, 1958, p. 670—673.

является символом революционной преемственности в личном составе санкюотов»⁵.

Из общего числа 590 подписчиков 238 (40,3%) приходятся на провинцию, а 345 (58,4%) — на Париж⁶. Так в IV году Республики проявляется одна из устойчивых черт революционного движения начиная с 1789 г.: преобладание Парижа и его руководящая роль. Таким образом, и здесь мы видим существенно важную преемственность.

Для географического распределения подписчиков по департаментам характерно преобладание департаментов Нор и Па-де-Кале (18 и 20 подписчиков) и значительный удельный вес средиземноморской группы: деп. Вар и Приморские Альпы (21 и 8 подписчиков), Воклюз (10) и Эро (12), но на деп. Буш-дю-Рон приходится только 5 подписчиков и всего лишь один на деп. Гар. Далее следуют, в убывающем порядке деп. Сона и Луара (8 подписчиков), Монблан (7), Морбиан и Мозель (по 6 каждый), Дордонь, Рона, Сена и Марна (по 5 каждый)⁷.

Составить на основе этих данных достоверную политическую карту распространения бабувистского влияния во Франции в IV году не представляется возможным: слишком много здесь привнесено неожиданных и случайных факторов. В частности, надо принять во внимание характерное для всякого революционного периода частое перемещение людей. Если в деп. Мозель насчитывается 6 подписчиков, из которых 5 — в Меце, то не объясняется ли это влиянием Бушотта, военного министра-санкюлота во II году Республики, который по выходе из тюрьмы вернулся в свой родной город?⁸

Если деп. Нор и Па-де-Кале идут впереди по числу подписчиков, то не объясняется ли это отчасти семейными связями революционеров II года или IV года и узами дружбы, которые порождали политические связи и в свою очередь укреплялись благодаря им? И не скрывается ли за подпиской сельского хозяина из Буре (Па-де-Кале) подписка гражданки Леба, проживавшей неподалеку, во Фреване, родной деревне друга Сен-Жюста? Наличие трех подписчиков в Сен-Полье следует, возможно, объяснить проживанием там гражданки Дартэ. А то, что в Аррасе насчитывается 10 подписчиков, объясняется, быть может, их верностью памяти Робеспьера или Лебона⁹. Отметим еще в этой же связи среди че-

⁵ В этом отношении заслуживает внимания коллективная подписка № 492 группы «Объединенные граждане, кафе Друзей Родины», секция Кенп-Вен.

⁶ Для полноты картины отметим одного подписчика в Швейцарии, врача в Цюрихе, и одного в Генуе (профессия не указана). Кроме того, 5 подписчиков в армиях: 2 — в армии Самбры-и-Мааса (один командир батальона, один начальник полубригады), один — в армии Рейна и Мозеля (врач), 2 — в Итальянской армии. В Бельгии, разделенной 9 вандемьера IV года на департаменты, было 4 подписчика: 2 — в Брюсселе (в том числе один чиновник из Северной армии), один — в Антверпене (общественный обвинитель) и один — в Жемапе (профессия не указана).

⁷ По 4 подписчика приходится на деп. Дром, Юра, Верхние Пиренеи, Нижняя Сена; по 3 подписчика на деп. Эн, Ардеш, Аверон, Шаранта, Кот-д'Ор, Жер, Иль и Вилея, Изер, Мёрт; по 2 подписчика на деп. Эна, Од, Кальвадос, Коррез, Ду, Эндр и Луара, Луара, Луаре, Ло, Манш, Марна, Верхняя Марна, Пюи-де-Дом, Рона и Луара, Верхняя Сона, Сена, Сомма; по одному подписчику на деп. Нижние Альпы, Арденны, Арле, Об, Нижняя Шаранта, Эр, Эр и Луар, Финистер, Эндр, Луар и Шер, Верхняя Луара, Мен и Луара, Мон-Террибл, Ньевр, Уаза, Нижние Пиренеи, Верхний Рейн, Сарта, Вьенна и Верхняя Вьенна.

⁸ Среди этих 5 подписчиков: Бушотт и один книготорговец; что же касается остальных трех, то их профессия не указана. Шестой подписчик в деп. Мозель — председатель муниципальной администрации в Бузонвиле. В доказательство влияния, которым пользовался Бушотт среди своих земляков, нам достаточно отметить избрание его муниципальным советником в Меце 13 жерманца VI года (2 апреля 1798 г.) (см. G é p é a l H e r l a u t. Le colonel Bouchotte, t. II, p. 353).

⁹ В деп. Па-де-Кале 20 подписчиков, из которых 10 — в Аррасе (в том числе 5 торговцев или купцов, один печатник, один хирург, профессия 3 подписчиков

тырех подписчиков Лилля, родного города члена Конвента Дюэма, имя Дюэма-сына, фабриканта¹⁰. И наоборот, не странно ли, что в деп. Сомма мы находим лишь двух подписчиков «Tribun du Peuple», из которых один — купец в Амьене, а другой — врач без диплома в Розье (дистрикт Мондидье), в том самом Сантере, который пятью годами раньше так взбудоражил Бабеф своими петициями, направленными против косвенных налогов (aides) и шампана.

При беглом знакомстве со списками провинциальных подписчиков создается впечатление, что города являлись как бы местом убежища или пристанищем жертв событий или противников режима Директории, особенно в тех районах, где свирепствовала контрреволюция; но можно ли отсюда делать вывод о значительном влиянии бабуристской газеты на местное общественное мнение?.. В числе 8 подписчиков деп. Приморские Альпы фигурируют 2 беженца-корсиканца, оба проживали в Ницце¹¹. Из 21 подписчика деп. Вар 8 проживали в Тулоне (из них один — главный инженер и два чиновника морского ведомства), 3 — во Фрежюсе (в том числе чиновник военного интенданства), 3 — в Сен-Рафаэле (в том числе один лейтенант)¹². Все 10 подписчиков из деп. Воклюз были жителями Авиньона¹³. Из 6 подписчиков деп. Морбиан 4 жили в Лориане, в том числе чиновник морского ведомства, и 2 в городе Вани, в том числе один военный, оказавшийся там, вероятно, в силу случайностей войны¹⁴. И наоборот, в таком департаменте, как Эро, который контрреволюция пощадила во II году, обращает на себя внимание разбросанность 12 подписчиков, хотя, за исключением одного бывшего священника в Вильмане, все они жили в городах, а не в деревне¹⁵: в списке упоминается шесть городов этого департамента; в Монпелье — 3 подписчика, в Безье и Агде — по 2, в городах Сет, Лодев и Пезнас — по одному. Равным образом 8 подписчиков деп. Сона и Луара распределяются между городами Макон (3), Отён (2), Шароль (2) и Шалон (1)¹⁶.

Однако, чтобы верно представить себе географическое распределение подписчиков «Tribun du Peuple», необходимо хорошо знать перипетии революционной борьбы и борьбы политических деятелей в каждом из департаментов,— а на такое знание мы не можем претендовать. В какой

не указана), 3 — в Сен-Поль (в том числе один сержант постостоянного двора), 2 — в Сент-Омере (в том числе один аптекарь) и один — в Эдене (купец). Что касается гражданки Леба, то мы не можем уточнить, идет ли здесь речь о жене или о матери члена Конвента. Мы не знаем также, является ли гражданка Дарте женой или матерью соратника Бабефа. Среди подписчиков Арраса мы обнаруживаем имя Леандра Лебона. Может быть, это родственник члена Конвента?

¹⁰ В деп. Нор 18 подписчиков, из которых 10 — в Валансенне, 4 — в Лилле, 2 — в Авене и один — в Камбрэ.

¹¹ Кроме того, один нотариус и один купец; профессия остальных 4 подписчиков не указана.

¹² Деп. Вар: отметим дополнительно по одному подписчику в трех городах — в Бриньоле, Грасе и Видобане; только 4 подписчика проживали в деревне, в том числе 2 — в Котиньяке.

¹³ В том числе председатель муниципальной администрации и 3 муниципальных чиновника, один жандармский капитан, 2 сержанта кафе, один сержант постостоянного двора, один купец, профессия одного подписчика не указана.

¹⁴ В Лориане: один чиновник морского ведомства, один художник, один торговец часами, один нотариус; в городе Вани: один капитан из армии Кот-де-Брест, профессия одного подписчика не указана. Деп. Иль и Вилен: 2 подписчика в Реннене (юрист и командир жандармской бригады); один подписчик в Пор-Мало (профессия не указана).

¹⁵ Деп. Эро: один землемер, но проживающий в Лодеве; один нотариус и один юрист, один купец и один торговец сукном, один секретарь муниципалитета и один секретарь суда, один капитан и один студент-медик.

¹⁶ Деп. Сона и Луара: 2 купца, один торговец писчебумажными товарами и один книготорговец, один муниципальный чиновник, один секретарь-делопроизводитель муниципалитета Макона и один врач без диплома.

мере якобинцы II года, как рядовые, так и руководящие кадры, проявляли свою оппозицию режиму Директории, подписываясь на газету Бабефа? В какой мере эти провинциальные подписчики являются бывшими активистами или бывшими функционерами Революционного правительства? Для ответа на этот вопрос необходимы кропотливые изыскания и сопоставления, которые могли бы провести только местные ученые. Это позволило бы, путем сопоставления личного состава секций II года и подписчиков IV года, подчеркнуть индивидуальную преемственность и верность революционным традициям. Можно было бы также выявить, путем исключения, медленную эволюцию или резкие повороты, произошедшие под воздействием событий, а также пробуждение политического сознания у людей нового поколения, созревших в ходе драматических событий III года, в результате чего состав революционеров отчасти обновился.

* * *

Если от изучения географического распределения провинциальных подписчиков «*Tribun du Peuple*» перейти к изучению их распределения по социальному и профессиональному признакам (списки указывают социальное положение или профессию 163 подписчиков из 238, т. е. для 68,4%), то поражает преобладание зажиточных или даже богатых. И наоборот, пролетарский элемент отсутствует.

Из 163 провинциальных подписчиков (профессия и социальное положение которых указаны) лишь один записан рантье¹⁷. Три группы по своим социальным и профессиональным признакам принадлежат, бесспорно, к категории имущих. Группа землевладельцев состоит из 10 подписчиков (6,1%), принадлежащих к различным слоям сельской буржуазии¹⁸. Торговая группа насчитывает 23 подписчика (14,1%), они записаны просто как купцы, стало быть, речь идет о довольно значительных торговых предприятиях. Наконец, группа хозяев предприятий состоит из 7 фабрикантов или предпринимателей (4,2%)¹⁹. Итого 40 подписчиков, около четверти (24,5%) общего числа. Следовало бы еще уточнить уровень зажиточности или богатства отдельных подписчиков «*Tribun du Peuple*», но источники лишают нас этой возможности.

В группе лиц свободных профессий (26 подписчиков, или 15,9%) можно выделить 13 нотариусов или юристов; затем следуют 9 подписчиков медицинской профессии и 2 инженера²⁰. Здесь мы тоже имеем буржуазию, по меньшей мере, зажиточную. К этой же социальной категории, исходя из цензовой структуры режима Директории, следует отнести еще

¹⁷ В Валансеньне.

¹⁸ Социальная и профессиональная квалификация неточна. 6 подписчиков указаны как землевладельцы: один — в Лодеве (Эро), один — в деп. Рона (коммуна не указана), 2 — в Па-де-Кале (в том числе один — в Бурэ, около Фревана), один — в Юнион-сюр-Сарт (Сен-Леже-сюр-Сарт, деп. Орн), один в Юрсэ (Вьенна). Два подписчика указаны как сельские хозяева (по-видимому, здесь имеется в виду социальная ступень более высокая, чем землевладельцы): один — вблизи Кондона (деп. Жер), другой — в Плюже около Сольеса (деп. Вар). Два собственника: один — в Рьёперу (деп. Аверон), другой — в Шаторенаре (деп. Луаре). Для полноты картины отметим одного собственника в Тулоне: вероятно, имеется в виду участок с постройкой.

¹⁹ Среди этих 7 подписчиков: один подрядчик строительных работ, 2 директора машифактур, 4 фабриканта (один фабрикант-кожевник в Котињаке, деп. Вар, один аптечный полотен в Валансеньне, один фабрикант-суконщик в Лодеве и один фабрикант в Лилле без указания производства).

²⁰ Юридические профессии: 6 нотариусов, 6 судейских (*hommes de loi*), один присяжный заседатель. Медицинские профессии: 3 врача, один студент-медик, 2 врача без диплома, один хирург, 2 фармацевта. Добавим к этому еще одного литератора и одного драматического артиста.

21 подписчика (12,8%), которые принадлежали к различным группам руководящего персонала: политический персонал (3 комиссара исполнительной власти), судебный персонал (5 судей или общественных обвинителей), муниципальный персонал (13 чиновников или председателей муниципальной администрации)²¹. В общем эти пять группы, которые можно считать принадлежащими к буржуазии, составляют больше половины (53,2%) провинциальных подписчиков, профессия которых известна.

Что касается группы военных (14, т. е. 8,5%), то мы не можем получить точных сведений по интересующим нас здесь вопросам. Это разнородная группа, включающая как младших офицеров, так и командиров бригад и даже дивизионного генерала (Тюрро из Конша, деп. Эр), социальное происхождение которых трудно установить. Более отчетливо охарактеризована группа из 13 служащих или чиновников (7,9%), принадлежащих преимущественно к низшему административному персоналу, за исключением начальника таможни в Безансоне. Остаются, наконец, ремесленники и лавочники: их 47 из общего числа 163 подписчика, т. е. 28,8%, причем 16 из них (9,8%), называемые торговцами, поднялись, по-видимому, выше уровня простых лавочников, но не заслужили, однако, квалификации купцов²². Среди остальных ремесленников и лавочников (31) выделяются 7 печатников и 2 книготорговца, 7 содержателей кафе, лимонадчиков или содержателей постоянных дворов²³. Известно, какую роль сыграли эти последние в народном движении II года, когда кафе были своего рода центрами распространения революционных идей. В этой связи следует также отметить важную роль книготорговцев и печатников²⁴.

При сопоставлении с личным составом санкюлотов парижских секций II года бросается в глаза меньший удельный вес группы ремесленников и лавочников среди провинциальных подписчиков «Tribun du Peuple»: она составляет меньше трети всего числа провинциальных подписчиков, тогда как в парижских комитетах она равнялась почти двум третям (58,6% в гражданских комитетах и 63,8% в революционных комитетах²⁵). Имущая буржуазия преобладает здесь над ремесленниками и лавочниками. Но разве не так же точно обстояло дело и во II году? Разве мы не наблюдали и во время Революционного правительства тот же социальный разрыв между парижскими секционерами и политическими активистами департаментов, т. е. между массой санкюлотов-ремесленников и лавочников, с одной стороны, и якобинской буржуазией, с другой? Это лишь подтверждает тот факт, что и для IV года была характерна одна из основных черт революционного движения начиная с 1789 г., а именно: различие не только политическое, но и социальное между Парижем и провинцией.

²¹ Комиссары исполнительной власти: в Люре и в Шартре. Председатели муниципальной администрации: в Авиньоне, в Бузонвиле (деп. Мозель), в Перигё, в Пон-сюр-Алье (Пон-дю-Шато, деп. Пюи-де-Дом), в Валансьенне.

²² Среди 16 торговцев 6 называны торговцами без всяких дополнительных уточнений. Для остальных 10 указывается предмет торговли: 2 виноторговца, пивовар, бакалейщик, свечной мастер, часовщик, торговец шерстью, суконщик, седельник, торговец бумагой.

²³ Отметим дополнительно двух оружейных мастеров, двух аптекарей, одного столяра, одного стекольщика, одного маляра, одного портного, одного кожевника, одного горшечника, одного ювелира, одного золотых дел мастера, одного часовщика, одного булочника.

²⁴ Книготорговцы: в Отене и в Меце. Печатники: в Аррасе, Нанси, Кутансе, Перигё, Тарбе, Фуа и Марселе.

²⁵ Для сравнений с личным составом парижских секций II года мы вновь отсылаем к работе: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II, p. 439—451.

В самом деле, анализ списков парижских подписчиков «Tribun du Peuple» с точки зрения их социального положения и профессии позволяет выявить характерные особенности, напоминающие особенности личного состава секций II года: как здесь, так и там важное место занимают специфические группы санкюлотов.

Было бы, конечно, полезно изучить распределение подписчиков по секциям. Но не говоря уже о довольно больших трудностях такого исследования, поскольку в списках лишь в редких случаях указывается секция, мы не смогли бы провести сколько-нибудь правильного сравнения с положением во II году Республики, учитывая особенно частые переезды многих бывших активных секционеров ввиду полицейских придирок или репрессий III года, направленных против бывших террористов. Что же касается анализа социального состава и профессий подписчиков, то результаты его имеют для нас значение лишь простого указания, поскольку профессия или социальное положение указаны (не считая 26 депутатов или бывших депутатов²⁶ и 5 членов Директории) лишь для 94 подписчиков из общего числа 345 (т. е. меньше трети).

При анализе групп, находящихся на противоположных концах социальной лестницы, мы обнаруживаем, с одной стороны, отсутствие пролетарского элемента в собственном смысле этого слова (который во II году Республики достигал лишь 9,9% личного состава революционных комитетов), и с другой стороны,— слабость элементов, принадлежащих к имущей буржуазии. В самом деле, в торговой группе насчитывалось только 7 подписчиков, записанных в качестве купцов (т. е. 7,4% из 94 подписчиков, социальное положение и профессия которых указаны), в группе глав предприятий — 3 предпринимателя или фабриканта²⁷, т. е. 3,1%,— соотношение, близкое к тому, которое было характерно для революционных комитетов (2,8%). Лица свободных профессий представлены 7 подписчиками (т. е. 7,4% по сравнению с 10,5% в революционных комитетах); из них 4 имеют медицинскую профессию²⁸ и лишь 2 — юридическую²⁹. Итак, эти три группы составляли 17,9% всех парижских подписчиков, тогда как среди провинциальных подписчиков соответствующие элементы составляли 53,2%.

Более характерна для парижских санкюлотов группа из 9 мелких служащих и чиновников (9,5%) и особенно группа ремесленников и лавочников — 68 подписчиков (72,3); следовательно, удельный вес этой группы даже больше, чем в революционных комитетах II года (63,8%). Среди ла-

²⁶ Бывшие депутаты в Конвенте: Алар, Амар, Бассаль, Бейль, Шудье, Давид, Друэ, Фуше, Гросс-Люроше, Жавог, Лакост, Лекуэнтр из Версаля, Малларме, Массье, Пеллетье, Рикор, Ру-Фазийак. Депутаты в Совете старейшин (все бывшие члены Конвента): Шарлье, Дерант, Вернер. Депутаты в Совете пятисот (все бывшие члены Конвента): Бриаль, Девиль, Гийардэн, Энгран, Меоль, Плезане. Три имени нам не удалось установить. Кроме того, Фепуль, министр финансов, и генералы: Флон, который был арестован как соучастник Бабефа, и Ларонд.

²⁷ 2 подрядчика строительных работ, один фабрикант деревянных башмаков. Мы находим в их числе Жана Пьера Ларю (бывшего революционного комиссара секции Ломбар), каменщика-подмастерья в 1789 г. и подрядчика строительных работ во II году, «нажившего состояние,— по утверждению доносчиков III года,— на заказах, полученных им от бывшей Коммуны», и находившегося в заключении в тюрьме Шлесси с 17 жерминаля и до 21 термидора III года.

²⁸ В том числе Субербиель (улица Оноре), врач Робеспьера, и Лабуро, врач без диплома (секция Французского театра), бывший революционный комиссар, предатель на процессе эбертистов.

²⁹ Укажем, кроме того, Клода Фике, архитектора (секция Тампль), бывшего администратора полиции.

вочников 11 человек заслуживают наименования торговцев³⁰. Наиболее многочисленный разряд составляют лимонадчики (6 человек)³¹ и виноторговцы (3 человека); затем идут 6 маляров, 6 столяров и 4 сапожника³²; типографы, относительно многочисленные среди провинциальных подписчиков, среди парижских подписчиков представлены только одним (улица Онорэ)³³. Как и в революционных комитетах, ремесленники преобладают, по-видимому, здесь над собственно лавочниками, хотя иногда бывает трудно провести точную грань между этими двумя группами. И наоборот, продолжая сопоставление со II годом, мы отмечаем, что мастера художественных ремесел, многочисленные в революционных комитетах, представлены в списках всего только 5 подписчиками³⁴.

Несмотря на эти оттенки, социальная преемственность между секциями II года и парижскими подписчиками «Tribun du Peuple» IV года проявляется очень четко: как те, так и другие вышли в основном из рядов ремесленников и лавочников, составлявших костяк парижских санкюлотов. Конечно, необходимо было бы изучить каждый случай в отдельности, чтобы точно установить социальное положение каждого из подписчиков; но это трудно сделать из-за отсутствия достаточной документации; можно лишь утверждать, что в IV году, как и во II году, социальный диапазон санкюловдов довольно широк: от явной бедности до определенной зажиточности. Итак, налицо социальная преемственность, но также личная или семейная преданность революционным традициям. Вдовы мучеников свободы — Лепелетье и Марата, мать Гужона, мученика прериалия, являются подписчиками «Tribun du Peuple», а также гражданки Лазовская, Ронсен и Бромп. Более того, не претендуя на полноту

³⁰ Торговцы: 3 виноторговца, 2 ювелира, один столяр, один седельник, один торговец пуговицами, один торговец галантереей, один бакалейщик, один торговец картинаами.

³¹ В том числе уже упомянутый выше Кретьен (секция Лепелетье) и Леклерк (секция Пон-Нёф), бывший член Электорального клуба.

³² Упомянем среди маляров Камюса из секции Нуассонье, бывшего присяжного в Революционном трибунале, гражданского комиссара до жерминаля III года, находившегося в заключении с 5 прериалия до 30 термидора, и Мишеля из секции Бон-Нувель, находившегося в заключении с 5 прериалия до 25 фрюктидора III года. Среди столяров отметим Дюпле; не ясно, был ли он предпринимателем столярного дела (ср. A. Soboul. *Les sans-culottes parisiens en l'an II*, p. 440) или простым столяром. Необходимо было бы точно знать масштабы деловой активности семьи Дюпле в III году и в IV году. Среди сапожников упомянем Эмбле (Humblet), бывшего революционного комиссара в секции Кенз-Вен, находившегося в заключении с 4 мессидора до 25 фрюктидора III года.

³³ Отметим также: 3 портных, 2 старьевщиков, 2 ювелиров, одного гравера, одного часовых дел мастера, одного зеркальных дел мастера, одного торговца фарфором, одного слесаря, одного ножевщика, одного жестянщика, одного литецщика, одного стекольщика, одного токаря по дереву и кости, одного обойщика, одного кожевника, одного шорника (Копши, секция Кенз-Вен), находившегося в тюрьме с 29 жерминаля III года до 26 вандемьера IV года, одного каретника, одного селитровара, одного торговца трикотажными товарами, одного шляпчика, одного сапожника, одного печатника. Среди лавочников в собственном смысле слова отметим: одного бакалейщика, одного кондитера, одного аптекаря, одного торговца лекарственными травами, одного торговца семенами, одного книготорговца, одного торговца бумажными товарами.

³⁴ 2 ювелира, один часовных дел мастер, один гравер и один зеркальных дел мастер. Отметим здесь двух Бодсонов из секции Пон-Нёф, из коих один — зеркальных дел мастер, а другой — гравер. Этот последний, Жозеф Бодсон, член Коммуны 10 августа, бывший революционный комиссар, член Электорального клуба, находившийся в заключении с 22 фрюктидора II года до 7 вандемьера III года, а затем с 14 прериалия до 15 фрюктидора III года, участвовал в «Заговоре равных». Еще один частный случай: часовных дел мастер Франсуа Башлар (секция Общественного договора), подписанчик «Tribun du Peuple» в IV году, но умеренный в 1793 г., находившийся в заключении с 19 сентября 1793 г. до 6 флореяля II года, антитеррорист в III году.

статистических данных, мы отмечаем в этих списках имена 4 бывших гражданских комиссаров и 10 бывших революционных комиссаров: они как бы символизируют собой революционную преемственность в личном составе парижских секций II года и IV года³⁵.

«ПАТРИОТЫ, СПОСОБНЫЕ КОМАНДОВАТЬ»

При анализе списков «патриотов, способных командовать», мы вновь убеждаемся в том, что революционный авангард, на который Бабеф и заговорщики считали возможным положиться, состоял в IV году еще не из фабрично-заводского пролетариата, а представлял собой своеобразное объединение мелких хозяев и подмастерьев, работавших и живших вместе. Правда, сам характер этих документов (для большинства секций они весьма неполны и составлены несколько беспорядочно) не позволяет нам выяснить личный состав бабуристов в точном смысле этого слова. Это не столько списки активистов, сколько списки сочувствующих, на которых руководители заговора считали возможным опереться либо ввиду их революционного прошлого, либо в силу их политической репутации в настоящее время: тексты, датированные преимущественно флореалем IV года, говорят о «патриотах, способных командовать», о «надежных патриотах, способных возрождать», о «патриотах, которых можно использовать в движении», о «патриотах, способных управлять и пробуждать революционный дух».

Сопоставление этих документов со списками личного состава секций II года сопряжено с теми же трудностями, о которых мы уже говорили в связи с составом парижских подписчиков «Tribun du Peuple»: текущесть населения и вызванные репрессиями III года перемены местожительства обусловили такое смешение людей, которое крайне затрудняет установление личности. Учитывая повторения в различных документах и многочисленные проверки путем сопоставления, возможно охарактеризовать личный состав двух округов — 6-го (секции Ломбар, Гравилье, Тампль и Друзей отечества) и 7-го (секции Рейоньон, Вооруженного человека, Прав человека и Арси) — и нескольких секций различных округов.

Рассматривая социальный и профессиональный состав людей, занесенных в эти списки агентами Бабефа, мы отмечаем все ту же господствующую черту: преобладание ремесленников и лавочников. В секции Ломбар, в 6-м округе, отмечены 13 патриотов: из 9 человек, профессия которых указана, 7 являются ремесленниками и лавочниками, один служащий и один учитель. В секции Гравилье из 13 патриотов, «которых можно использовать», 10 — ремесленники или лавочники, один учитель, один врач без диплома и один рабочий шелковой фабрики. В секции Тампль из 9 патриотов, профессия которых указана (из общего числа 13), приходит-

³⁵ Революционные комиссары: Бодсон (секция Пон-Нёф), Шаландон (секция Вооруженного человека), Кретьен (секция Лепелетье), Эмбле (секция Кенз-Вен), Лабуро (секция Французского театра), Ларю (секция Ломбар), Легрэ (секция Музея), Сандоз (секция Единства), Вакре (секция Монтрей), Вернь (секция Лепелетье). Гражданские комиссары: Камию (секция Пуассонье), Лакруа (секция Монблан), Рейс (секция Вандомской площади), Сент-Омер (секция Музея). Отметим еще Гю (Ни), мирового судью (секция Пантенона), таких активистов, как Дамур (секция Арси), Гро из Люцерна (секция Бютт-де-Мулэн)... Что касается сопоставления личного состава секционеров и бабуристов, то мы вновь отсылаем к работам: A. S o b o u l. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Index des noms de personnes. См. также: K a r e D. T o n n e s o n. La défaite des sans-culottes. Oslo — Paris, 1959. Index des noms de personnes avec notices biographiques; A. S o b o u l. Répertoire sommaire du personnel politique des sections parisiennes (1793—1794) (подготавливается к печати).

ся 5 ремесленников или лавочников и один служащий, но имеются также один рантье и 2 патриота свободных профессий³⁶.

Списки 7-го округа и более полны и более точны. В секции Рюньон из 43 «демократов» 28 являются ремесленниками или лавочниками и 7 — служащими. Секция Вооруженного человека из 62 отмеченных «демократов» насчитывала 41 ремесленника или лавочника и 10 служащих³⁷. В секции Арси из 32 «демократов» 26 ремесленников или лавочников и один служащий. Наконец, из 36 «патриотов» списка секции Прав человека 20 являются ремесленниками или лавочниками и 5 — служащими (профессия 7 патриотов не указана). В общем из 173 отмеченных патриотов или демократов 7-го округа, причем профессия была указана лишь для 157 из них (90,7%), ремесленники и лавочники составляли около $\frac{3}{4}$ (73,2%); таким образом, их удельный весь был значительно большим, чем в революционных комитетах II года (63,8%)³⁸. Группа служащих, которые стояли на той же социальной ступени, составляет 14,6%. 13 патриотов или демократов принадлежали к зажиточной буржуазии, в том числе 7 лиц свободных профессий; двое, по-видимому, хозяева предприятий; четверо охарактеризованы как рантье (и то, вероятно, речь идет о ремесленниках или лавочниках, ушедших от дел)³⁹. И наоборот, пролетарский элемент представлен всего 7 лицами (4,4%), из которых 6 приходится на секцию Вооруженного человека, причем это не столько рабочие с фабрики или малуфактуры (за исключением одного рабочего без указания профессии), сколько работающие по найму, в услужении: 4 поденщика, один водонос, один рассыльный.

Нет надобности приводить дополнительные примеры. Списки патриотов некоторых отдельных секций, которыми мы располагаем, отражают то же преобладание ремесленников и лавочников⁴⁰; и здесь мы наблюдаем ту же преемственность: мир ремесла и лавки налагает свою социальную

³⁶ Секция Ломбар: один ювелир, один вышивальщик, один сапожник, один патрикмахер, один кондитер, один аптекарь, один маляр. Что касается учителя, то это Валантен Гой. Секция Гравилье: один столяр, один токарь по дереву и кости, 2 веерщика, один препаратор (naturaliste), один старьевщик, один виноторговец, один ярмарочный торговец, один торговец галантереей и один бывший торговец галантереей. Секция Тампль: 2 цирюльника или парикмахера, один эмалировщик, один садовник, один лимонадчик. Свободные профессии: один инженер и один архитектор. Указания по секции Друзей отечества носят слишком фрагментарный характер.

³⁷ К этому списку 62 «демократов» следует добавить второй список 20 «патриотов-демократов» секции Вооруженного человека, «которые входили в состав общества Пантенона»; фактически, за исключением 7 имен, оба списка совпадают.

³⁸ В общем, в списке 7-го округа указано 115 ремесленников или лавочников: 21 сапожник, 9 портных, 7 шляпников, 5 маляров, 5 золотых дел мастеров, 4 цирюльника, 4 слесаря, 3 золотильщика, 3 стекольщика, 3 toiseurs, 3 лимонадчика, 3 торговца трикотажем, 2 столяра, 2 обойщика, 2 литейщика, 2 эмалировщика, 2 парфюмера, 2 торговца галантереей, 2 веерщика, 2 кузнеца, 2 бакалейщика, 2 сидерателя меблированных комнат, один портупейный мастер, один шорник, один кожевник, один ножевщик, один точильщик, один водопроводчик, один пекарь, один котельник, один шлифовальщик, 2 ювелира, один тесемочник, один красильщик, один каменщик, один торговец подержанными вещами, один повар, один мясник, один торговец фруктами, один общественный писарь; 4 лавочника вправе называться торговцами: один торговец фруктами, один обойщик, один торговец углем, один просто торговец, без указания предмета торговли. Отметим большое число сапожников. Наоборот, сидерателей питейных заведений здесь немного.

³⁹ 3 хирурга и один дантист, один учитель, один судебный пристав, один архитектор, один фабрикант ремней для правки бритв и один подрядчик строительных работ.

⁴⁰ Например, секции Ботанического сада и Финистер 12-го округа. Документы, относящиеся к секциям Пик (1-й округ), Предместья Монмартр (2-й округ), Гард Франсэз и Рынка (4-й округ), содержат списки канониров, решающей силы революционных дней и подлинной ударной колонны парижских санкюловотов во II году.

печать и на личный состав революционеров IV года. Следует ли из этого делать вывод о его идеологическом влиянии? Во всяком случае это ставит перед нами проблему распространения и проникновения бабувистских идей в социальную среду, для которой характерна мелкобуржуазная психология и привязанность к мелкой собственности, основанной на труде.

* * *

Однако при знакомстве с этими списками патриотов и демократов напрашивается другой вывод: преемственность социального состава, преемственность людей ремесла и лавки, т. е. санкюотов, бесспорна, но наблюдаются и изменения, касающиеся отдельных личностей. При изучении списков людей, способных командовать, мы обнаруживаем внутри той же социальной категории обновление личного состава революционеров.

Возьмем 6-й округ. Если в секции Гравилье из 13 «патриотов, которых можно использовать в движении», приходится 9 бывших комиссаров или активистов II года, то в секции Тампль их только 6 из 13, в секции Друзей отечества — 3 из 12, а в секции Ломбар всего лишь 2 из 13⁴¹. Таким образом, из 51 патриота, отмеченного бабувистскими агентами в 6-м округе, 20 человек принадлежали в прошлом к политическому активу секций II года (39,2%); среди них на первом месте по численности 13 революционные комиссары, затем идут 4 активиста, один член Комитета общественного спасения Парижского департамента, один мировой судья и один гражданский комиссар.

В 7-м округе списки патриотов и демократов насчитывают 173 человека, в том числе 43 бывших секционера; следовательно, их удельный вес снижается и составляет лишь около четверти (24,8%). На первом месте по численности революционные комиссары (24); гражданские комитеты представлены 8 именами; далее идут: 8 активистов, 2 помощника командира вооруженных сил секций, один мировой судья и один председатель народного общества⁴².

⁴¹ Секция Ломбар: Бландин, мировой судья; Корда, вышивальщик, революционный комиссар, комиссар по борьбе со спекуляцией. Секция Гравилье: Бурсо, учитель; Брюйа, рабочий шелковой фабрики; Казенав, врач без диплома; Эгас, вилоторговец; Лепаж, веерщик; Плансон, токарь по дереву и кости, все — революционные комиссары; Шипко, ярмарочный торговец, гражданский комиссар; Камлэн, бывший торговец галантереи, и Пти, веерщик, — бывшие активисты. Ни один из бывших соратников Жака Ру не фигурирует в этом списке (ср. W. M a g k o v. *Les Jacquesagois*. — *Annales historiques de la Révolution française*, 1960, p. 163). Секция Тампль: Луи Дютиль, садовник; Малле, парикмахер до 1789 г., затем сапожник; Принэ, инженер, — все трое бывшие революционные комиссары; Шарль, служащий; Дре, лимонадчик, — оба бывшие активисты. Секция Друзей отечества: Женуа, член Комитета общественного спасения Парижского департамента; Селлье, токарь по дереву и кости; Симон, гравер, — все революционные комиссары.

⁴² Секция Рейюньон: 7 революционных комиссаров (Долизи, сапожник; Фаверо, служащий; Ги-Дамур, содержатель меблированных комнат; Мансюи, учитель; Мутардье, котельник; Пажес, точильщик; Тар, шляпник), 2 гражданских комиссара (Пти, веерщик, и Симон, торговец бумагой) и помощник командира (Давранш, сапожник). Итого 10 бывших секционеров из 43 отмеченных демократов. Секция Вооруженного человека: 8 революционных комиссаров (Био, портной; Букотт, маляр; Казенав, скульптор; Шаландон, сапожник; Крюбе, торговец трикотажными изделиями; Петей, шорник; Потэн, столяр; Савар, рабочий (в действительности бывший слуга), 4 гражданских комиссара, (Демаре, служащий; Диофур, бакалейщик; Гоше, ювелир; Нури, хирург), один мировой судья (Трескон, бакалейщик) и один активист (Бернар, стекольщик). Итого 14 активистов из 62 указанных демократов. Секция Арси: 4 революционных комиссара (Камюс; Шампон, тесемочник; Мерсье, торговец трикотажем; Пуаньон, парикмахер), один председатель народного общества (Монье, портной), 4 активиста (Куртуа, сапожник; Анри, птицеловальщик; Жоли, краильщик; Леклерк, старьевщик). Итого 9 из 32. Секция Прав человека: 5 революцион-

Характерно, что среди этих бывших секционеров революционные комиссары стоят на первом месте. Они составляли во II году Республики наиболее активный элемент народной власти, наиболее надежную опору Революционного правительства. Поскольку они избирались более демократическим путем, чем гражданские комиссары, и представляли наиболее народные и наиболее сознательные категории санкюловотов, бабувистские агенты были уверены в том, что они имеют в их лице надежных патриотов, «способных управлять и пробуждать революционный дух». Но вопрос о том, разделяли ли эти деятели II года идеи бабувистов, остается нерешенным. Так же обстоит дело и с теми новыми людьми, которых мы обнаруживаем в списках. Это обновление личного состава революционеров IV года более чем достаточно объясняется как репрессиями против бывших сторонников террора, так и кризисом III года: если одни в результате кризиса пришли к ясному осознанию необходимости политической борьбы, то другие вследствие репрессий оказались в тени бездействия. Но сопровождалось ли это обновление личного состава (для 7-го округа $\frac{3}{4}$ отмеченных патриотов были людьми новыми) обновлением идей? Мы подчеркивали неизменность социального состава. Но, может быть, существует разрыв в области идеологии?

Позволительно думать, что нет; если принять во внимание организационные методы, о которых свидетельствуют эти списки, это списки скорее сочувствующих, чем активистов; более того, эти списки составлялись, по-видимому, на основании репутации и добродой славы секционеров, без ведома тех, кого это непосредственно касалось.

В этом отношении особенно показателен случай с Варле, в прошлом одним из «бешеных», внесенным в бабувистский список секции Прав человека. После Термидора деятельность Варле развивалась параллельно деятельности Бабефа в народных организациях вроде секции Музея и Электорального клуба и была направлена против левых термидорианцев и Революционного правительства. Деятельность Варле была внезапно прервана: 19 фрюктидора II года (5 сентября 1794 г.) его арестовали. Он был освобожден лишь год спустя, по-видимому, в результате амнистии, объявленной Конвентом⁴³. Это длительное заключение сломило «бешеного» (тогда как энергия неукротимого Бабефа только возросла в тюрьме), его политическая карьера была кончена. Между тем, находясь в тюрьме Плесси, Варле познакомился с некоторыми будущими заговорщиками, в частности с Жерменом и Брутом Манье. Не этими ли связями или своей репутацией он был обязан внесению, без его ведома, в список «демократов-патриотов» секции Прав человека? Тем не менее Варле отошел от революционной деятельности и не принял никакого участия в «Заговоре во имя равенства».

Этот пример говорит как о недостатке связи в плане революционной организации, так и об отсутствии идеологического единства. «Патриоты, способные командовать», бывшие секционеры II года или новые люди IV года, причем как те, так и другие принадлежали к средним слоям парижских санкюловотов, придерживались, по-видимому, как правило, скорее традиционной народной идеологии, чем новых идей.

ных комиссаров (Дузель; Жервэ, *toiseur*; Удай, ювелир; Мазэн, обойщик; Тампоннэ, подрядчик строительных работ), 2 гражданских комиссара (Милле, судебный пристав, Роже, столяр), один помощник командира (Файоль) и 2 активиста (Фук, торговец фруктами, и Робер, портной). Итого 10 из общего числа 36.

⁴³ 2 вандемьера III года (24 сентября 1795 г.) Варле еще пишет в Комитет общественной безопасности, требуя своего освобождения (*J. Z a c k e g. Jean Varlet pendant la réaction thermidorienne. «Annales historiques de la Revolution française», 1961, № 163.*)

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ И ДЕЛО ГРЕНЕЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ

Это впечатление усиливается при рассмотрении списка имен, упомянутых в обвинительном акте, составленном после того, как были выписаны ордера на арест между 19 флореаля и 15 мессидора IV года (8 мая — 3 июля 1796 г.), а также списка «людей, задержанных в Гренельском лагере и его окрестностях», составленного 24 фрютидора (10 сентября 1796 г.) администраторами центрального бюро Парижского кантона.

Обвинительный акт, составленный Андрэ Жераром, одним из председателей обвинительного жюри Парижского кантона, был направлен против 56 «обвиняемых в заговоре с целью ликвидации Конституции, свержения правительства и восстановления конституции 1793 года». На первом месте — штаб заговора: Бабеф, Буонарроти, Жермен, Дартэ. Группа членов Конвента представлена следующими именами: Амар, Ленельо, Лендр, Рикор, Вадье. Другие обвиняемые были военными: так, например, генералы Фион, Парен и Россиньоль.

Среди обвиняемых мы обнаруживаем 12 бывших секционеров II года, если говорить только о бесспорных случаях: 7 революционных комиссаров и один гражданский комиссар⁴⁴; один мировой судья секции Рынков, Буэн, рабочий-чулочник; командир батальона секции, сапожник Тьери, перешедший из секции Друзей отечества в секцию Ломбар; наконец, два активиста из народного общества секции Арси⁴⁵. Итого приблизительно четвертая часть общего числа (23%). Все упомянутые выше и еще 17 других обвиняемых, ремесленников и лавочников, принадлежали к санкюлотам⁴⁶ (исключая из этого числа сомнительные случаи, например, обоих Диупле); иначе говоря, более половины списка. Следовало бы еще добавить к этой группе такого человека, как Россиньоль, генерал-санкюлот.

Если от вопроса о социальной принадлежности перейти к вопросу об идейных воззрениях обвиняемых, то мы должны констатировать, что только 9 из этих 29 обвиняемых, санкюлов, были подписчиками «*Tribun du Peuple*»⁴⁷.

Список людей, арестованных по делу Гренельского лагеря, имеет важное значение с интересующей нас здесь точки зрения, поскольку он содержит указание профессий для 127 человек из общего числа 131⁴⁸. По-

⁴⁴ Бодсон, гравер (секция Пон-Нёф); Кретьен, лимонадчик (секция Лепелетье); Корда, вышивальщик (секция Ломбар); Дюфур, столяр (секция Предместья Монмартр); Гуляр, печатник (секция Обсерватории); Вакра, фабрикант-торговец чулками (секция Монтрей); Вернь, служащий (секция Лепелетье). Относительно Корда см.: H. Salvet. *L'assaragement à Paris sous la Terreur*, p. 65, 94). Рейс, портник, бывший гражданский комиссар секции Вандомской площади, указан как проживающий в секции Монблан. Печатный обвинительный акт (*Bibliothèque Nationale*, Lb⁴² 2708) упоминает Клода Фике, архитектора, как бывшего члена революционного комитета секции Тампль; мы фактически не обнаружили ни одного документа, дающего основание внести Клода Фике, бывшего администратора полиции, в списки секционеров.

⁴⁵ Моннье, портупейный мастер, и Мюнье, портной.

⁴⁶ Мы находим здесь обычную гамму мира ремесла и мелкой торговли. Отметим двух печатников. Пролетарский элемент представлен рабочим-чулочником (Буэн, упомянутый выше) и одним токарем по дереву.

⁴⁷ Бодсон, Кретьен, Дюфур, Вакра. Вернь — бывшие революционные комиссары; Рейс, гражданский комиссар (см. прим. 44); Бретон, виноторговец (секция Друзей отечества); Клер, портной (секция Хлебного рынка); Монар, шляпник (секция Бон-Консей).

⁴⁸ Отметим для полноты Розу Аделаиду Фурнье, «девицу легкого поведения, спавшую в палатке с солдатами». Итого 132 арестованных.

скольку речь идет здесь о революционном выступлении, хотелось бы считать, что этот список более верно характеризует личный состав бабуинистов, чем списки «людей, способных командовать»: следует учитывать, однако, возможные ошибки, обусловленные провокационным и полицейским характером этого дела. Но можно ли из факта участия в этом выступлении делать механически вывод об идеологической солидарности?

Не похоже на то, чтобы можно было почерпнуть какие-либо сведения из факта распределения по секциям людей, арестованных по этому делу⁴⁹. Следует отметить, что в Сент-Антуанском предместье в секциях Поненкур и Кенз-Вен было арестовано лишь по два человека, а в секции Монтрэй — ни одного.

Мы обнаруживаем здесь, с некоторыми отличиями, те же черты, что были характерны и для личного состава секций II года, особенно для состава активистов, для революционных комитетов, где преобладали ремесленники. Социальная категория зажиточных, если не богатых, представляла 2 купцами и 2 лицами свободной профессии (3,1%), к которым можно, по-видимому, присоединить 2 человека «без профессии» («sans état»). Менее ясен вопрос о брантье (4,7%), по-видимому, бывших ремесленников или ушедших от дел торговцев, живших на маленький приобретенный капитал, но по своему образу жизни и мысли принадлежавших по-прежнему к миру ремесла. И наоборот, удельный вес пролетарского элемента возрастает до 7,8%, тогда как в списках людей 7-го округа, способных командовать, он составлял только 4,4%; так здесь, так и там речь идет о людях, работавших по найму в услужении: 10 поденщиков или батраков, притратники, конюхи или водоносы. Служащих мало — 2,3%. В списках 7-го округа они составляли 14,6%. 97 ремесленников и лавочников составляют более $\frac{3}{4}$ всего числа людей, арестованных по делу Гренельского лагеря, т. е. 76,3%; следовательно, их удельный вес был большим, чем в списках людей, способных командовать (73,2%), чем в революционных комитетах II года (63,8%). Отметим здесь значительное преобладание ремесленников над лавочниками: 15 сапожников (11,8%), 12 столяров (9,4%), 8 слесарей..., самостоятельных ремесленников⁵⁰.

Преобладание людей ремесла, относительно большой удельный вес пролетарских элементов, меньший удельный вес служащих и лавочников, более осторожных, — все это вполне естественно, поскольку речь шла о попытке восстания. С этой точки зрения дело Гренельского лагеря — это звено в цепи революционной преемственности: с 1789 г. и до IV года Республики революционный авангард образует не фабричный пролетариат, а коалиция ремесленников и подмастерьев, увлекающая за собою низшие слои санкюлотов, составляющие основную массу.

⁴⁹ Секции Бют-де-Мулен и Руль — по 8 арестованных в каждой; секции Предместья Монмартр и Верности (Мезон-Коммюн) — по 7 арестованных в каждой; секция Вандомской площади — 6 человек; секция Общественного договора — 5; наконец, по 4 человека было арестовано в каждой из следующих секций: Тюльри, Хлебного рынка, Бон-Нувель, Друзей отечества, Бон-Консей, Арси, Гравилье, Инвалидов, Единства, Терм, Пантенона.

⁵⁰ Отметим дополнительно 7 шляпников, 6 портных, 3 маляров, 3 парикмахеров, 3 садовников и обычный перечень различных ремесел. Художественные ремесла представлены слабо (2 гравера, один ювелир, один часовых дел мастер). Ни одного содергателя кафе или кабачка (только один виноторговец, один ресторатор, один содергатель меблированных комнат), тогда как в списках подписчиков «Tribun du Peuple» эта категория была представлена сравнительно неплохо. Мало лавочников в точном смысле этого слова: один бакалейщик, один торговец фруктами, один торговец бумагой и 3 торговца без указания предмета торговли. Кроме того, 4 военных, в том числе генерал Фион, которого мы уже упоминали среди подписчиков «Tribun du Peuple».

Среди людей, арестованных в связи с этой попыткой восстания, выделяются 14 бывших секционеров II года; это немного (11%), даже учитывая многочисленные трудности, с которыми связано установление личности. Из них 7 — революционные комиссары, 6 — рядовые активисты и один капитан вооруженных сил; все они подверглись по тем или иным причинам репрессиям III года, направленным против бывших террористов⁵¹. Но несмотря на эту иреемственность, вновь встает вопрос о распространении бабуристских идей среди этих людей, принадлежавших в социальном отношении к санкюлотам: среди 131 заключенного по делу лагеря Гренель мы обнаруживаем только 6 подписчиков «Tribun du Peuple»⁵².

* * *

Какие выводы можно сделать на основе этих цифровых данных, которые в силу характера документов имеют лишь приблизительное значение?

Прежде всего при рассмотрении революционных методов «Заговора во имя равенства» нас поражает, с одной стороны, огромное внимание к организационным вопросам, доведенное до крайности, о котором свидетельствуют списки патриотов, способных командовать, и в котором можно усмотреть некую якобинскую традицию, и, с другой стороны, та неопределенность, с которой ставится и решается важнейшая проблема связи с народными массами. Не возвращаясь более к вопросу о том, как составлялись эти списки патриотов, что мы проиллюстрировали выше на примере Варле, мы обращаем внимание на факт несовпадения рассмотренных нами четырех списков, что свидетельствует о подлинной стратификации различных категорий бабуристов и об их изолированности друг от друга; конечно, это является основным требованием всякой конспиративной деятельности, но в данном случае это представляется доведенным до крайности. Например, для секции Реюньон (7-й округ) в особых списках указывается имя человека, «заслуживающего доверия на случай, если бы руководитель 7-го округа был арестован», а также имена 6 патриотов, способных командовать, и имена людей, которые после захвата власти должны были представлять секцию в муниципалитете, в Генеральном совете Коммуны и в Парижском департаменте⁵³. Однако из 10 человек,

⁵¹ Секция Руль: Дешан, уксусовар, капитан вооруженных сил; Овэр, садовник, выборщик 1792 г., присяжный заседатель Революционного трибунала. Секция Бют-де-Мулен: Бонбон, сапожник, революционный комиссар; Брюш, чеканщик, выборщик 1792 г., «зачинщик в общем собрании и в народном обществе». Секция Бон-Нувель: Дюдуй, портной, революционный комиссар, перешедший из секции Вандомской площади; Реом, токарь по дереву и кости, бывший капитан Революционной армии, посланной в Лион. Секция Друзей отечества: Кайо, тесемочник, член Коммуны 10 августа, выборщик 1792 г., член Центрального революционного комитета 31 мая. Секция Арси: Жоли, ресторатор. Секция Гравилье: Удемар, занимавшийся изготовлением деревянных башмаков, и Лепаж, веерщик, выборщик 1792 г., оба — революционные комиссары. Секция Прав человека: Дузель (écrivain public); Удай, ювелир, — революционные комиссары. Секция Единства: Сандоз, часовых дел мастер, выборщик 1792 г., революционный комиссар; Поль, парикмахер.

⁵² Генерал Фион, Брюше, Дюдуй и Сандоз, упомянутые в прим. 51, а так же Легра, сапожник (секция Общественного договора) и Салиньи, кожевник (секция Предместья Монмартр).

⁵³ Человек, заслуживающий доверия на случай ареста руководителя 7-го округа, — Мутардье, медник, бывший революционный комиссар; член муниципалитета для 7-го округа — Мюло из Анже, рантье; представитель секции в Генеральном совете Коммуны — Нелетье, шляпник; представитель в Парижском департаменте — Кассель, золотых дел мастер. Разумеется, все эти люди фигурируют также в пространных списках патриотов, способных командовать.

которым доверяли руководители заговора, лишь один фигурирует в списке подписчиков «Tribun du Peuple» и ни один — в списках по делу Гренельского лагеря или в обвинительном акте. И напротив, сапожник Бувар из секции Реюньон, арестованный по делу Гренельского лагеря, не был включен в список патриотов секции Реюньон, способных командовать. Это бросает некоторый свет на организационную структуру заговора.

В центре мы находим руководящую группу, опиравшуюся на небольшое число испытанных активистов. Затем идет более широкий круг сочувствующих, «патриотов» и «демократов», не посвященных в секретные дела и не разделявших, по-видимому, нового революционного идеала; и наконец, народные массы, которые следовало увлечь за собою. Таким образом, одна из важнейших проблем революционной практики, стоявших перед заговорщиками, была проблема связи с народными массами как раз через посредство сочувствующих, которые не являлись участниками заговора, но должны были стать участниками того революционного движения, которое развернулось бы после захвата власти. Один историк написал, что за прериальским восстанием, которое было «движением масс без организации и без подлинных вождей», последовал «Заговор во имя равенства», «заговор, в основном организованный, но вожди которого не смогли или не сумели превратить его в массовое движение»⁵⁴. Это суждение, пожалуй, слишком сурово. Конечно, существовало известное противоречие между конспиративными методами, как их понимали руководители заговора, и народным движением, таким, какое развернулось в III году. Но они все-таки сознавали необходимость тесной связи низовых кадров с массами, может быть, на основе опыта восстаний 10 августа 1792 г. и 31 мая — 2 июня 1793 г.: в связи с этим понятно составление списков «патриотов, которых можно использовать в движении». Все же изучение различных списков бабуристов не позволяет нам утверждать, что эта проблема была ими разрешена.

Если заняться рассмотрением вопроса о социальной преемственности в среде санкюлотов, сопоставляя личный состав секций II года и личный состав бабуристов IV года, то мы должны подчеркнуть одно несоответствие. С одной стороны, социальная психология этих рядовых людей, патриотов и демократов, не выходит, бесспорно, за рамки идеологии санкюлотов, для которой характерна привязанность к мелкой собственности, основанной на личном труде. С другой стороны, идеология вождей заговора, убежденных сторонников общности имущества и труда, являлась по сравнению с идеологией санкюлотов чем-то новым или, точнее, резкой переменой, первой формой революционной идеологии нового общества, рожденного самой революцией.

Констатировать противоречие между бабуристской идеологией и психологией санкюлотов это значит подчеркнуть антагонизм, который возможен между устремлениями авангарда и объективными историческими потребностями, подчеркнуть драматический характер революционной попытки «Заговора равных». Но тот факт, что на основе опыта II года и драматических событий III года у Бабефа и заговорщиков зародились идеи, «выводящие, — по выражению Маркса, — за пределы *идей* всего старого мирового порядка»⁵⁵, уже сам по себе говорит об их величии.

⁵⁴ Каге Д. Теннессон. La défaite des sans-culottes, p. 379.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.